

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Попов Ф. А. Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году : к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова / Ф. А. Попов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 509—529. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529.

Popov, F. A. (2025). Political Thought of Russia's Allies in Poland in 1920: An Intellectual History of B. V. Savinkov Group. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 509-529. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году: к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова

Попов Фёдор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-8867-3300
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарных наук,
Институт социальных наук
popovf1992@mail.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Political Thought of Russia's Allies in Poland in 1920: An Intellectual History of B. V. Savinkov Group

Fyodor A. Popov
orcid.org/0000-0002-8867-3300
PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities,
Institute of Social Sciences
popovf1992@mail.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена реконструкции политической мысли русской антибольшевистской эмиграции в Польше в период советско-польской войны и последующих переговоров о мире. Источниками выступили материалы варшавской газеты «Свобода», издававшейся Русским Политическим Комитетом (РПК) во главе с Б. В. Савинковым. Подчёркивается, что, действуя на чужой территории, эмигранты создавали идеологические предпосылки для русско-польского сотрудничества. Указывается, что польские власти испытывали недоверие к Белому движению, видя в нём потенциально враждебную Польше силу. Показано, что РПК старался рассеять эти подозрения и декларировал откровенно полонофильскую позицию, чем, в свою очередь, раздражал правый фланг русской общественности (монархистов и сторонников «Единой и Неделимой России»). Автор приходит к выводу о том, что глава РПК Б. В. Савинков в годы Гражданской войны усваивает националистический дискурс, в чём можно усмотреть влияние Юзефа Пилсудского — социалиста, революционера и националиста. Поднимается вопрос о независимой Польше как источнике вдохновения эмигрантов-демократов, надевавшихся на аналогичное пробуждение русского национального самосознания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения Гражданской войны в контексте истории идей.

Ключевые слова:

русская эмиграция; гражданская война; советско-польская война; Русский политический комитет; Белое движение; Польша.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article reconstructs the political thought of the Russian anti-Bolshevik emigration in Poland during the Polish-Soviet War and the subsequent peace negotiations. The primary sources include materials from the Warsaw newspaper “Svoboda,” published by the Russian Political Committee (RPK) led by B. V. Savinkov. It emphasizes that, operating on foreign soil, émigrés laid the ideological groundwork for Russian-Polish cooperation. The article notes that Polish authorities harbored distrust towards the White movement, perceiving it as a potentially hostile force against Poland. It demonstrates that the RPK sought to dispel these suspicions by openly declaring a pro-Polish stance, which, in turn, provoked irritation among the right wing of Russian society (monarchists and supporters of “United and Indivisible Russia”). The author concludes that B. V. Savinkov, during the Civil War years, adopted a nationalist discourse, reflecting the influence of Józef Piłsudski — a socialist, revolutionary, and nationalist. The question of an independent Poland as a source of inspiration for democratic émigrés, who hoped for a similar awakening of Russian national consciousness, is also raised. The relevance of this study lies in the necessity to explore the Civil War within the context of intellectual history.

Key words:

Russian emigration; Civil War; Polish-Soviet War; Russian Political Committee; White movement; Poland.

УДК 94(47+511)“1920”+929Савинков

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году: к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова

© Попов Ф. А., 2025

1. Введение = Introduction

Исследование Гражданской войны 1917—1922 годов традиционно сосредоточено в сферах политической и военной истории, реже — социальной и экономической. Изучение «русской Смуты» сквозь призму интеллектуальной истории гораздо менее популярно среди исследователей. Прежде всего это касается антибольшевистского движения, отличавшегося от своих красных противников гораздо большей идейно-политической разнородностью. Это обстоятельство требует не только постановки вопроса об интеллектуальном измерении Гражданской войны, но и практического рассмотрения дискурсивных практик, идеологических стратегий и, в конечном счёте, идейного наследия на отдельных примерах.

Гражданская война, закрепившая переход от 300-летнего романовского «старого режима» и несостоявшегося республиканского проекта «Февраля» к коммунистической утопии, не могла не оставить следа в истории русской мысли. Конечно, «непредрешенство» Белого движения, сознательный отказ его вождей от преждевременного избрания социально-политической модели переустройства России препятствовали появлению детализированных программ. С другой стороны, мыслители антибольшевистского лагеря были менее скованы в своих идеологических построениях, нежели их большевистские оппоненты, вынужденные сверять написанное и проговоренное со «священными писаниями» марксизма (трудами К. Маркса, Ф. Энгельса). Антибольшевистская мысль рождалась на страницах прессы под непосредственным влиянием событийного калейдоскопа и не опиралась на готовые труды «профессиональных» интеллектуалов, будь то конституционные демократы или черносотенцы. Её «родовыми» чертами являлись ситуативность, отрывистость, «журнальность». В этих своих характеристиках она вполне преемственна дореволюционной политической

публицистике, которая в лице наиболее продуктивных своих представителей (яркий пример — В. В. Розанов) предпочитала откликаться на локальные вызовы и с этого локального уровня подниматься до рассуждения об общенациональных / общеимперских задачах. От антибольшевистской мысли 1917—1922 годов следует отделять эмигрантские «кодификации» «белой идеи» (труды И. А. Ильина, И. Л. Солоневича и т. д.), которые создавались в иной обстановке, на основе обобщённого опыта, имея целью сплотить и мобилизовать эмиграцию для продолжения борьбы.

Особенно интересным представляется выявление интеллектуальных течений, выбивавшихся из канвы «непредрешенства», то есть обладавших более или менее определённой политической программой. К таковым, несомненно, надо отнести интеллектуальный «цех», сформировавшийся вокруг фигуры революционера, писателя и авантюриста Б. В. Савинкова во время его пребывания в Польше.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования заключается в попытке осмыслить историю русских военно-политических структур в Польше начала 1920-х годов как историю политической мысли, выявить основные тенденции идеологического творчества русских эмигрантов в Польше во время советско-польской войны.

Различные аспекты истории русских военно-политических структур в Польше уже получали освещение в историографии. Историк-крестьяновед А. А. Курёнышев рассмотрел деятельность Савинкова и его соратников в период советско-польской войны 1919—1921 годов в качестве примера инструментализации «крестьянского вопроса» в Русском Зарубежье [Курёнышев, 2008]. Монография Т. М. Симоновой посвящена статусу союзных Польше русских частей в 1919—1925 годах, в особенности в период их интернирования после окончания боевых действий [Симонова, 2013]. Работу А. А. Микулёнка отличает комплексный подход: помимо политической работы русских эмигрантов (в том числе интересующих нас савинковских организаций) в 1917—1925 годах, автор анализирует их правовое и социально-экономическое положение, культурную жизнь, модели адаптации в польском обществе и сопротивление ассимиляции с момента революций 1917 года и вплоть до начала второй мировой войны в 1939 году [Микулёнок, 2018]. «Польской эпопее» Б. В. Савинкова уделено внимание в его научной биографии авторства К. Н. Морозова [Морозов, 2022]. Среди зарубежных авторов упоминания достоин труд З. Карпуса о «восточных» (русских, казачьих, украинских, белорусских) союзниках Польши в 1920 году с акцентом на военной составляющей [Karpus, 1999].

Основной источниковой базой исследования выступают статьи в варшавской газете «Свобода» за 1920—1921 годы. Целесообразно сконцентрироваться на периоде, когда противостояние на советско-польском фронте достигло апогея (лето 1920 года), а затем перешло в процесс мирного урегулирования, оформленного в виде Рижского договора 18 марта 1921 года. В интервале между конвенциональной межгосударственной войной и миром были задействованы русские антибольшевистские вооружённые формирования (походы армий Булак-Балаховича и Пермикина в Беларусь и Украину), стоявшие на определённой политической платформе. Публичные дискуссии вокруг отношений России и Польши, задач эмиграции, вариантов демонтажа большевистской власти и смежных вопросов находили отражение в публицистике деятелей РПК.

Идейная история русских союзников Польши должна изучаться в тесной сцепке с фактурой, уже накопленной в исследованиях по военной и дипломатической истории. Актуален методологический «арсенал» такого направления, как «история понятий» (К. Скиннер, Р. Козеллек и др.) [Козеллек, 2006; Скиннер, 2023], нечасто применяемый в отношении реалий российской Гражданской войны. Уместно, однако, согласиться с редактором тематического сборника «Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России» (2022 г.) в части того, что «история понятий» может фигурировать в исследовании как «источник вдохновения», а не как «надежный общий методологический инструмент» [Слова и конфликты ..., 2022, с. 10]. Ближайшей задачей является реконструкция контекста политических высказываний, интеллектуальной «биосреды», в которой бытовали авторы исследуемых текстов. Анализу подвергнуты прежде всего «язык» антибольшевистской эмиграции в Польши, её риторика и терминология.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика русского антибольшевистского движения в Польше

Такое интеллектуальное явление, как «антибольшевистская мысль», целесообразно рассматривать по месту расположения конкретных «фабрик мысли» — в Сибири, на Дону, Кубани, в малороссийских губерниях, Крыму или заграничных центрах русской эмиграции. По особому пути развивалось политико-идеологическое творчество антибольшевистского движения в Польше периода советско-польского конфликта 1919—1921 годов. Противостояние большевистского режима и поляков шло параллельно российской Гражданской войне. Вооружённые силы Юга России генерала А. И. Деникина, а затем Русская армия генерала П. Н. Врангеля были фак-

тическими союзниками независимой Польши [Пученков, 2016, с. 54—72]; в 1920 году уровень координации усилий польских и русских патриотов, не без поддержки Антанты (особенно Франции), достиг апогея (хотя всё ещё оставался недостаточным для успешного противодействия РККА). Функции не просто военного, но политического представительства России в Польше взял на себя Русский Политический Комитет (РПК) во главе с Б. В. Савинковым, который в разные периоды своей жизни успел побывать в амплуа эсеровского боевика, комиссара Временного правительства и антибольшевистского подпольщика. РПК выглядел привлекательно для немонархической общественности, чьё неприятие большевизма проистекало из демократической и народнической традиции. Позиционирование данного слоя интеллектуалов в советско-польском конфликте имело важное отличие по сравнению с дореволюционными и довоенными годами: в период с 1914 года (то есть с начала Первой мировой войны) эта «радикальная» общественность, встав на позиции «оборончества» (экс-террорист Савинков даже вступил в ряды французской армии, союзной России), сделала себе «прививку» националистической идеологии, востребованность которой резко возросла после Октябрьской революции 1917 года, когда «Интернационалу» стало противопоставляться «национальное чувство». Савинковский РПК в Польше в 1920—1921 годы представляет интерес как «точка сборки», основанная не на стандартном «непредрежденстве», а на синтезе республиканского и националистического дискурсов.

Момент основания и легализации в Польше РПК (июнь 1920 года) совпал с поражениями польских войск на фронте. 12 июня поляками был оставлен Киев. Видя неудачи Варшавы на поле боя, европейская дипломатия (в особенности британская) охладевала к идее оказания помощи своим польским союзникам. Поверенный в делах США в Варшаве Г. Уайт сообщал, что «поляки в настоящее время находятся в депрессии» [Симонова, 2013, с. 58]. Большевистское наступление вернуло правящим польским кругам трезвое понимание ситуации: теперь они дорожили каждым союзником. Восприятие Врангеля как великодержавного шовиниста, потенциально угрожающего польской независимости, уступало место новому образу русского главнокомандующего как союзника Польши. Успехи РККА подхлестнули в польском обществе не русофобию, но русофильство, интерес к русским антибольшевикам, делавшим с поляками одно дело. Пребывание в Польше значительного числа русских эмигрантов и беженцев поднимало вопрос о создании из них воинских частей. И если сугубо технические задачи вербовки могли взять на себя профессиональные военные, то идейно опекать эти формирования должны были те персоны и структуры, чья комплиментарность независимой Польше в границах 1772 года нахо-

дилась вне сомнений. В этом причина большего доверия, которое польский генштаб оказывал РПК и Савинкову, по сравнению с эмиссарами Врангеля.

Для доведения своей позиции до аудитории РПК выпускал газету «Свобода», вокруг которой собралась плеяда русских общественных и литературных деятелей. Среди них: Д. В. Философов, А. А. Дикгоф-Деренталь, чета Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, Д. М. Одинец, В. В. Португалов. Позднее, в 1923 году, к ним присоединились писатели М. П. Арцыбашев и А. В. Амфитеатров, в то время как Мережковский и Гиппиус, разочарованные в Польше из-за её переговоров с большевиками, в октябре 1920 года выехали в Париж [Цихорацки, 2014, с. 183]; 28 октября 1921 года во исполнение статьи 5 Рижского мира «не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной», из Польши был выслан Савинков [Симонова, 2013, с. 191]. «Свобода», в конце 1921 года переименованная в «За Свободу!», пережила не только РПК и Народный Союз Защиты Родины и Свободы (НСЗРиС), но и Савинкова, оставаясь рупором непримиримой эмиграции вплоть до 1932 года, когда она была преобразована в ежедневную иллюстрированную газету «Молва» под редакцией того же Философова [«За Свободу!», 2000, с. 157].

3.2. Проблема русско-польских отношений в публицистике РПК

Расположение РПК на территории Польши делало злободневным вопрос о взаимоотношениях двух народов, русского и польского, — как в ретроспективе, так и в актуальном моменте. Ситуация «спора славян между собою» (А. С. Пушкин) не подходила для осмысления текущей советско-польской войны, поскольку большевистский режим не принимался деятелями РПК за «славян» и «русских»; интерпретация войны РСФСР и Польши как очередного русско-польского конфликта была свойственна компромиссно настроенным по отношению к советской власти течениям и персонам, например идеологу «сменовеховства» Н. В. Устрялову [Устрялов, 1920], но никак не группе Савинкова.

Память о разделах Речи Посполитой в конце XVIII века, восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 годов, русификации Привислинских губерний и борьбе с «полонизмом» в Северо-Западном крае усложняла задачу достижения консенсуса между польской общественностью и русскими антибольшевиками. Вместе с тем следует считать удачным то обстоятельство, что разработка дискурса о союзе Польши и России попала в руки именно РПК — интеллигенции с богатым оппозиционным стажем при «старом режиме». Помимо фактора личных знакомств — Пилсудский был гимназическим другом Савинкова — бывшие участники «освободительного движения» против монархии легче поступались некоторыми сюжетами из

русской военной-политической истории, выпячивать которые при общении с поляками было неуместно. Патриотический культ А. В. Суворова не мог поддерживаться на страницах русских печатных изданий в Польше ввиду негативной памяти об этом полководце среди поляков. Однако то, что показалось бы унижением для кадрового офицерства, спокойно воспринималось бывшей радикальной интеллигенцией, с дореволюционных времён знавшей о необходимости полита в диалоге с поляками.

В программной статье «Россия и Польша» (29 июля 1920 года) Савинков делился подростковыми впечатлениями от пребывания в Варшаве. Уже тогда будущий революционер оценил негативное воздействие русификации (памятник семи польским генералам-лоялистам возмущал его); кроме того, несмотря на учёбу «по Иловайскому», юный Савинков сумел познакомиться с именами из польского пантеона: Яном Собеским, Тадеушем Костюшко, Яном Килинским, Адамом Мицкевичем. Тогда же в нём укоренилась вера в грядущее восстановление Польши и «мир между Москвой и Варшавой» [Свобода, 1920, 29 июля]. Сочувствие польской борьбе за независимость XVIII века — начала XX века для савинковцев было частью русской революционной традиции, унаследованной от А. И. Герцена, разделявшего лозунг восстания 1830 года «За нашу и вашу свободу!» Надо, однако, учитывать, что рассуждения о несправедливостях Российской империи по отношению к Польше в случае Савинкова носили сугубо ретроспективный характер. С началом Первой мировой войны он вступил во французскую армию, чтобы сражаться с врагом тогда ещё самодержавной России — Германией. Будущий же «начальник польского государства» Пилсудский формировал польские легионы на стороне Четверного союза и был разделён с русским оборонцем и патриотом Савинковым линией фронта. Советско-польская война вновь свела двух старых приятелей, причём мировоззрение Савинкова с 1914 года приобрело заметные националистические черты, вытеснив бывшую эсеровскую догматику; порвав с партией эсеров в годы Гражданской войны Савинков повторил путь Пилсудского, который, по собственным словам, «сошёл с красного трамвая на остановке “Независимость”».

Члены РПК и НСЗРиС, вслед за Савинковым, подчёркивали противоположность России и «Совдепии», предостерегали поляков от отождествления русских с большевиками. Л. Станиславский, цитируя одну французскую газету, допустившую преемственность большевистской экспансии с политикой Екатерины II, писал, что «Екатерина II и Троцкий — это тема для маленького фельетона, либо сюжет для оперетки», в свете же советского «похода на Варшаву» должно быть ясно «основное различие между этим походом и прежним “спором славян между собой”» [Свобода, 1920, 30 июля]. За предыдущими русско-польскими войнами автор, таким

образом, признавал характер межнациональных, межгосударственных, чего нельзя сказать о войне «Интернационала» против суверенной Польши: «Теперь и русская свобода и польская независимость на одной части весов, а на другой — общее рабство под властью убивающего народ интернационала» [Там же].

В столкновении Польши с интернациональным большевизмом усматривался шанс на оформление долгосрочного русско-польского союза, направленного против Германии, которая подозревалась в реваншизме и стремлении использовать наступательный порыв Красной армии в «пангерманистских» целях. Публицистика на страницах «Свободы» подводила читателя к умозаключению: ввиду предвзятости общественного мнения «великих держав» к Польше только русские могут понять поляков и справедливость их борьбы. В статье «Европа, Польша и Россия» (13 августа 1920 года) Станиславский переориентирует на Польшу испробованный упрёк русских антибольшевиков державам-победительницам в недостаточной поддержке белых армий. Отдельной критике в статье удостоиваются французские социалисты, мобилизующие рабочих на бойкот помощи Польше: «Польский пролетариат готовится к героической защите Варшавы, а французские социалисты уверяют, что враг несет освобождение польским рабочим, что победа польских войск была бы несчастьем для польского рабочего класса...» [Свобода, 1920, 13 августа] Европейское «непонимание» польских нужд в условиях, когда Русская армия генерала Врангеля оттягивала на себя части РККА в Таврии, использовалось публицистом для лоббирования среди поляков русофильских настроений. В конце статьи он ставил риторический вопрос: «...Не должно ли для патриотической Польши стать окончательно ясным, что ее союзником сейчас является патриотическая Россия, которая борется с Россией большевистской, и что только в этом союзе залог полной и окончательной победы над большевизмом?» [Там же].

В восприятии РПК задачи русско-польского союза простирались на более отдалённую перспективу, нежели «победа над большевизмом». Альянс Польши и «демократической» России необходим для сдерживания Германии, которая объявлялась выгодополучателем от гипотетического взятия Варшавы Красной армией. Савинков реанимировал понятие «германо-большевизм», бывшее в ходу на заключительном этапе Первой мировой войны и начальном этапе Гражданской войны в России. Апеллируя к панславистским идеалам, Савинков писал, что «большевистская пентаграмма... несет с собою вместе с коммунистическою программой программу более простую, нам славянам давно известную. Программа эта “Deutschland über alles”. Пусть коммунистическая, но все-таки “Deutschland”» [Свобода, 1920, 10 августа]. Алармизм главы РПК распространился не только

на судьбу Польши. Он еще и напрямую касался её главного покровителя в Антанте — Франции. При неблагоприятном стечении обстоятельств последняя может столкнуться с мощным советско-германским союзом. Соответственно, Польше и савинковской «третьей России» отводилась функция союзников Франции в Восточной Европе — именно такой баланс сдерживал бы возрождение побеждённой Германии. Германофобская риторика савинковской публицистики имела не только «прикладную» цель — доказать полезность постбольшевистской России для версальской системы; эта риторика вполне укладывалась в тот геополитический и моральный выбор, который был сделан революционером в 1914 году: родственная «по крови» Польша и близкая политически Французская республика остались константами его симпатий и в 1920 году. Пересмотр внешней политики будущей России в пользу сотрудничества с такой же «несправедливо обделённой» Германией был для Савинкова маркером «реакционных» групп, с которыми он, так же как и со «сменовеховцами», боролся на страницах своего газетного рупора.

Появление в Центрально-Восточной Европе новых военно-политических альянсов не прошло мимо русских республиканцев в Варшаве. Л. Станиславский приветствовал приезд в польскую столицу министра иностранных дел Румынии Таке Ионеску, пытавшегося договориться насчёт присоединения Польши к «Малой Антанте». Односторонне антивенгерская направленность этого союза Румынии, Чехословакии и Югославии не привлекала польскую сторону, которая была заинтересована в поиске союзников против Германии и Советской России, а не против Венгрии, пользовавшейся симпатиями поляков. Станиславский видел выход в преобразовании союза из антивенгерского в антигерманский и антибольшевистский, через подключение к нему побеждённых государств, Болгарии и Венгрии, а также Греции. Такой альянс, считал Станиславский, не несёт угрозы «демократической России», которая готова примириться с новыми границами Польши и Румынии (расширившейся за счёт российской Бессарабии) [Свобода, 1920, 31 октября]. Вместе с тем РПК не мог согласиться с тем видением «Малой Антанты», которое продвигалось министром иностранных дел Чехословакии Эдвардом Бенешем [Свобода, 1920, 10 ноября]. Пражская дипломатия учитывала эмигрантский фактор, но в нежелательном для РПК ключе. Чехословацкие власти покровительствовали группе вокруг пражской эсеровской газеты «Воля России» (А. Ф. Керенский, В. М. Зензинов, О. С. Минор), выражавшей надежды на ненасильственную трансформацию большевизма, и во многом опирались на экспертное мнение этой группы [Серapiонова, 2004, с. 65; Суомела, 2004, с. 96]. Несогласие активных антибольшевиков с установками чехословац-

кого МИДа накладывалось на пограничный спор Польши и Чехословакии из-за Тешинской области, в котором савинковцы открыто не занимали ту или иную сторону, но считали должным напомнить, что чехословацкие войска аннексировали спорную территорию в трудный для Польши период отражения советского наступления. Впрочем, после своей депортации из Польши Б. В. Савинков перебазировался именно в Прагу.

3.3. Основные нарративы «савинковцев»: вождизм, национализм, крестьянская революция

Представляя Россию в Польше, стране, сумевшей освободиться от почти полуторавекового (если брать за точку отсчёта 1772 года) иностранного гнёта, Савинков усваивал польские образцы политической репрезентации, включая национализм и вождизм (ср. с культом «освободителя» Пилсудского). Генерал М. В. Ярославцев в воспоминаниях, написанных спустя годы не только после конца советско-польской войны, но и после гибели Савинкова, сохранил положительное впечатление о нём как о «волевом, энергичном и образованном человеке», «совсем не доктринёре-социалисте» (ср. с характеристикой французского журналиста в 1920 году: «славянин, доктринер и реалист» [Свобода, 1920, 1 октября]) и даже как о «деятеле вполне фашистского типа» [ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 577, л. 2] (что тогда было скорее комплиментом). Аналогичная савинковской идейная траектория коснулась и других русских деятелей, временно осевших в Польше. «Чудо на Висле» (или «польскую Марну») они видели «победой патриотизма над разлагающей народы силой большевизма» [Свобода, 1920, 21 августа].

Бывшая радикальная интеллигенция, собравшаяся вокруг РПК, заговорила на подчёркнуто националистическом языке. Ставя в качестве примера поляков, некоторые публицисты сокрушались из-за отсутствия национального самосознания у русского общества дореволюционной эпохи. Л. Пущин упоминал этот контраст национальной польской элиты и русской революционной контрэлиты: «В польской интеллигенции очень живо было национальное чувство; в нашей, русской, его имелось мало, может быть слишком мало. Для поляков мы были, прежде всего, русские, а потом уже интеллигенты. Мы принадлежали к нации поработителей, и это было им важно, а мы не понимали, ибо мы, с правом или нет, чувствовали себя сначала интеллигентами, и более всеевропейцами, нежели русскими» [Свобода, 1920, 17 сентября]. Тема нехватки «национального чувства» у русских, в особенности у жителей Великороссии (центральной России), неоднократно педалировалась публицистами «Свободы». Сочувствуя страданиям «костромичей и рязанцев», гонимых на польские пулемёты красными комиссарами, савинковцы заявляли о возможной альтернативе

для сегодняшних русских красноармейцев: стать членами республиканской нации мелких крестьянских собственников.

Название савинковской организации, созданной для активной борьбы с большевиками (НСЗРиС), включало понятия «Родина» и «Свобода», задавая семантическое пространство для «освободительного» национализма. По-своему сказалось интеллектуальное влияние Великой Французской революции (ВФР), непрерываемое для русских интеллигентов; ведь, помимо порождённых ВФР современных идеологий либерализма и социализма, своим рождением ей обязан также национализм. Концентрация на «учредительном собрании», «республике», «демократии» «свободе» и прочих понятиях из политического языка 1789 года и 1848 года в сочетании с мотивацией «защитить честь русского имени» вела НСЗРиС и РПК к формулированию дотоле невиданной (за исключением разве что декабристских кружков) в русской интеллектуальной истории версии национализма. Востребованными оказались исторические аналогии эпохи ВФР: большевики отождествлялись с якобинцами, наиболее нетерпимой и фанатичной (если не считать сторонников Гракха Бабёфа, никогда не находившихся у власти) группировкой республиканцев, запятнавшей себя террором. Д. М. Одинец на этом основании отказывал большевикам в новаторстве, называя их «слепыми учениками» якобинцев и предвещая схожий конец их «террористической» диктатуре [Свобода, 1920, 7 ноября].

Ренессанс националистической идеологии признавался коллективом РПК одной из знаменательных черт новой исторической эпохи. В статье Сергея Сочивко «Национализм и интернационал» перечислены различные формы внешнеполитических альянсов, складывавшихся в тот момент на международной арене: игра Советской России на «религиозно-фанатической струне магометанской Турции и Персии»; «германо-большевистское братание», выражающееся в поиске германскими консерваторами союза с Москвой для ревизии Версальского договора; формирование Малой Антанты из Югославии, Чехословакии, Румынии и Греции; англо-франко-итальянский союз с различным отношением каждого из его членов к Советской России; франко-бельгийский союз и т. д. Все эти «союзы» созданы исключительно для защиты национальных интересов, считает автор. Но, поставив крест на интернационализме, автор высказывает недовольство и излишне меркантильным эгоизмом национальных государств, идущих ради выгоды на уступки большевикам. Исключение делается для альянса Франции и Бельгии, занимавшего последовательно антисоветскую позицию. Обзор завершается выводом: «Теперь становится более или менее ясным: интернационализм идет на национальности, а национальности мечтают усилиться насчет сближения с большевизмом, забывая, что эко-

номика неизбежно влечет за собой политику» [Свобода, 1920, 7 октября]. Соответственно, анализ международной обстановки проделан автором для того, чтобы обосновать тезис о необходимости борьбы с большевизмом ради сохранения национальных государств. В конце статьи Сочинко цитирует редактора парижской газеты «Общее дело» В. Л. Бурцева, о том, что «невозможно оставаться пассивным к русской драме, драме русского национализма, грозящей разрастись в общее бедствие. Должна быть объявлена война всех любящих свои родины, против Интернационала» [Там же]. Скепсис относительно Лиги Наций, призыв к «интернационалу националистов» роднит данную публикацию «Свободы» с риторикой правых антикоммунистов фашистского толка (в том числе русских) 1930-х годов (при том, что процитированный Бурцев проявит себя в качестве активного противника нацизма). Ещё более заострённо проблема национализма и невозможности универсальной мировой культуры прозвучала в редакторской статье за 14 октября 1920 года. Здесь республиканская газета атаковала эгалитарную догматику: «Предпосылка равенства народов, как и равенства людей, оказалась несостоятельной. Мы можем говорить лишь о создании равных для всех возможностей, но никто не станет утверждать равноценность французского и цыганского гения» [Свобода, 1920, 14 октября]. Остаётся удивляться, как под воздействием гражданской войны и примера польского национального возрождения эволюционировали взгляды русской радикальной интеллигенции.

В области цветовой семантики варшавские демократы выбирали между «белым» и «зелёным», однозначно отвергая «красное» и «чёрное». Д. С. Мережковский предпочитал держаться белого цвета, рассуждая в статье «Савинков и Врангель» о «белом знамени революционной свободы». Белый, исконно являвшийся цветом монархизма (прежде всего французской монархии), в данном случае олицетворял духовную чистоту и незапятнанность; на долю русских монархистов, безуданно обличаемых «Свободой», приходился чёрный цвет; «жёлтым» были окрашены социалисты. Одним из первых Мережковский призвал к международному сотрудничеству на «белой» идейно-цветовой основе: «Красный Интернационал можно победить только Интернационалом Белым. Не “желтым” и не “белогвардейским”, как большевики ругаются, а именно Белым» [Свобода, 1920, 5 октября].

Тем временем сам Савинков и другие его единомышленники не были склонны именовать себя «белыми», а с определённого момента стали позиционировать себя «зелёными». На это повлияло заключение Рижского мира и крах иллюзий о польском походе на Москву. Сделанная Савинковым ставка на внутреннюю революцию в России означала поиск контакта с повстанческой стихией, за которую в политической палитре отвечал зелёный цвет. Имея

ограниченные возможности действовать на российской территории, Савинков решил смоделировать «зелёную эмиграцию» [Куренышев, 2008, с. 33—34]. От её имени можно было бы заключать внешнеполитические союзы «крестьянской России» с иностранными государствами, включая ту же Польшу. Классические «белые», представленные в Польше Третьей Русской Армией (ЗРА) генерала Б. С. Пермикина, после своего интернирования начали скорее раздражать Савинкова; среди оставшихся не у дел офицеров стали проявляться монархические и германофильские настроения, что было неприемлемо для того политического спектра, лидером которого считал себя Савинков.

3.4. Дискурс революционной войны на страницах «Свободы»

Подписание прелиминарного мира 12 октября 1920 года не прекратило войны, но придало ей иной вид: противостояние регулярных польских и советских войск завершилось, и в дело вступили вооружённые и снабжённые Польшей (но де-факто независимые от неё) восточнославянские формирования квазипартизанского типа (армии Булак-Балаховича, Пермикина, Омеляновича-Павленко). Поход Русской Народной Добровольческой Армии (РНДА) генерала С. Н. Булак-Балаховича в Белоруссию сопровождался публикацией политической программы, которая в основных своих интенциях совпадала с программой РПК [Свобода, 1920, 17 октября]. Видоизменялась природа войны: вместо конфликта государств настал черёд безгосударственных армий, использовавших территорию одной страны для операций против другой (первый значительный успех армии Булак-Балаховича на советско-польском фронте связан с занятием Пинска 26 сентября 1920 года, незадолго до перемирия; действуя уже самостоятельно, он смог взять Мозырь, однако вскоре был вытеснен обратно в Польшу). Савинков, не понаслышке знакомый с практикой «терроризма», призывал русские армии вести не войну, а революцию. Операции по правилам военной науки не могли принести успеха антибольшевистским силам, заключал Савинков, и призывал к революции или революционной войне, овладевающей массами [Свобода, 1920, 16 октября]. Генерал П. Н. Симанский, занявший в «Свободе» место военного эксперта, решающее значение придавал моральному фактору, призывая выступающих в Полесский и Подольский походы солдат и офицеров «надеть белые рубахи» и, не повторяя ошибок армий Юга России (грабежи, порки крестьян и т. д.), открыть новую страницу в истории антибольшевистского движения. «Не забудем, — заключал Симанский, — что в минуты небывалого падения нравов в Средние века и в начале новых веков армии Густава-Адольфа, Кромвеля и Вашингтона побеждали не только и не столько оружием, сколько удивительным сочетанием высоких чисто-военных доблестей с кристальной чистотой нравственного облика» [Свобода, 1920, 19 октября]. Тем самым генерал-публицист

высказывался в пользу «революционной армии», армии, несущей на своих штыках политическую идеологию.

Существование территории под контролем Белого движения заставляло РПК коммуницировать с этим альтернативным «центром сборки» антибольшевистских сил. Врангель был для Савинкова и партнёром, и конкурентом за человеческий ресурс: наряду с РНДА Савинкова-Балаховича в Польше формировалась ЗРА, подчинявшаяся Врангелю. Бывший эсер и террорист имел преимущество в глазах польского генштаба, так как за ним не тянулся шлейф «единонеделимчества». Сам же Савинков, будучи не только военно-политическим организатором, но и публичным интеллектуалом, был заинтересован в идейном воздействии на крымскую власть и её группу поддержки. С этой целью «Свобода» опубликовала открытое письмо главы РПК командующему Русской Армией. Обращаясь от имени «русских патриотов», Савинков предостерегал Врангеля от «пути Деникина», то есть от недальновидной политики в отношении крестьянства, местного самоуправления, национальных окраин, а также от реставрации монархии (при том, что в число «русских патриотов без различия партий», от имени которых обращался Савинков, были включены, помимо республиканцев и социалистов, также и монархисты; очевидно, из расчёта, что в Крыму они имеют определённое влияние) [Свобода, 1920, 6 августа].

В целом, вплоть до падения Крыма в ноябре 1920 года «Свобода» и представители РПК отзывались о борьбе Врангеля комплиментарно, призывая иностранцев немедленно признать русское правительство и оказать ему помощь. Однако во второй половине октября 1920 года настрой савинковцев стал более критическим. Примером служит статья без подписи (то есть от имени редакции) «Берегите Врангеля», вышедшая в ответ на интервью начальника гражданского управления Крыма С. Д. Тверского, в котором савинковцы усмотрели «реакционные» тенденции. «Не надвигается ли на доблестного генерала Врангеля та страшная опасность, которая погубила мученическую Добровольческую Армию?» [Свобода, 1920, 26 октября] — вопрошалось в статье. Ещё резче отозвался В. В. Уляницкий в своём комментарии к новости агентства «Руспресс» о готовности Франции финансово помочь Врангелю при условии прекращения в Крыму монархической пропаганды. Публицист призывал не рассматривать французское требование как вмешательство во внутренние дела России, поскольку в случае оставления в госаппарате «реакционных элементов» Врангеля постигнет судьба Деникина. Заявления главы крымского правительства А. В. Кривошеина в интервью газете «Матэн» о предпочтительности для России конституционной монархии Уляницкий воспринял как подтверждение его «реакционности». Возврат к «думской монархии» об-

разца 1905—1917 годов не мог быть приемлемым для республиканца. «Мы знаем хорошо, что такое в России “конституционная монархия”, мы уже испытали “честность своему слову” монархов в России» [Свобода, 1920, 3 ноября] — выражал своё недовольство кривошеинскими убеждениями Уляницкий, не атаковавший, впрочем, лично Врангеля. Разделяя «подвиг армии» и политическую программу южнорусских правительств, варшавские республиканцы надеялись заручиться поддержкой хотя бы части белых военнослужащих (в основном солдат и офицеров бывшей Северо-Западной армии), перед которыми в Польше стояла дилемма: ждать отправки в Крым или пополнять собой ряды армии «бабки» Балаховича.

В итоге Савинкову не удалось поколебать проврангелевские настроения офицерства: и он, и Балахович были для профессиональных военных сомнительными личностями с тягой к авантюризму. В то же время некоторые ветераны антибольшевистской борьбы, например командир Тульского отряда (в СЗА, а до этого в армии УНР, ещё раньше — в Красной армии) И. Т. Фомичёв, отдавали предпочтение Савинкову и призывали своих подчинённых сторониться «реакционеров» [Свобода, 1920, 13 ноября].

4. Заключение = Conclusions

Перемирие между Польшей и Советской Россией нанесло удар по делу РПК, планы по освобождению поляками пусть не Москвы, но хотя бы Минска и Смоленска были перечёркнуты (части Красной армии, брошенные против врангелевского Крыма, также не были оттянуты поляками, что вскоре приведёт к падению полуострова). Однако настоящий кризис для русских республиканцев-полонофилов настал после неудачи похода в Белоруссию в октябре — декабре 1920 года. Расчёт на «революционную войну» не оправдался, и Рижский мир 18 марта 1921 года лишь закрепил сложившееся положение дел. Недружелюбное отношение польских властей к интернированным русским военнослужащим армий Балаховича и Пермикина углубило отторжение многих из них от Польши и пробудило симпатии к Германии (особенно среди монархистов).

Лично Савинков и его близкие единомышленники по-прежнему будут верить в потенциал народных восстаний. Возникший в январе 1921 года НСЗРиС — «реинкарнация» савинковской организации 1918 года (на счету которой — восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске) — соберёт морально стойкие кадры антибольшевистских формирований для продолжения «революционной войны» в изменившихся условиях. Несмотря на стремление польской администрации держать интернированных подальше от восточных областей, советско-польское пограничье на протяжении 1920-х годов будет «серой зоной», полем контакта и борьбы Русского Зару-

бежья с Советами. Курс савинковских РПК и НСЗРиС на стимулирование в России антибольшевистской революции продолжают уже после гибели Савинкова другие организации, идеологически далёкие от идей образца 1920 года: монархическое Братство Русской Правды и солидаристский Национально-Трудовой Союз Нового Поколения [Базанов, 2013]. Газета «Свобода» (с 4 ноября 1921 года — «За Свободу!») продолжит выходить под редакцией Д. В. Философова до тех пор, пока на её базе в 1932 году не начнёт выходить «Молва», место которой с 1934 года займёт «Меч» (редакторы — В. В. Брандт, Д. В. Философов). Резко антисоветская линия оставшихся в Варшаве членов бывшего РПК не изменится, несмотря даже на предсмертное «покаяние» Савинкова. В частности, важную роль в подогревании «активизма» среди эмигрантов играла публицистика М. П. Арцыбашева во время его пребывания в Польше в 1923—1927 годах. Молодое поколение Русского Зарубежья, не участвовавшее напрямую в Гражданской войне, внимало проповедям непримиримых публицистов и корректировало свои поступки в соответствии с усвоенными идеалами. Ярким примером является Б. С. Коверда, совершивший успешное покушение на советского дипломата П. Л. Войкова в 1927 году (несмотря на появившуюся позднее трактовку убийства как «мести за царскую семью», первоначально Коверда на судебном процессе не манифестировал монархических убеждений и высказывался более амбивалентно, что, в целом, характерно для русской колонии в Польше, где убеждённые республиканцы, такие как Д. В. Философов и М. П. Арцыбашев, были также носителями крайне антикоммунистических взглядов) [Убийство Войкова..., 2005, с. 234—235].

Значение полонофильского русского республиканства начала 1920-х годов для идейной истории Зарубежья заключается в демонстрации траектории развития заложенных уже Февральской революцией тенденций. При всей несхожести двух фигур А. Ф. Керенского и Б. В. Савинкова, первый в 1917 году [Колоницкий, 2023] и второй в 1920—1924 годах были окружены «бонапартистским», если не «цезаристским» ореолом и выступали в роли «вождей». Центрально-Восточная Европа представляла русским демократам примеры для подражания: на одном полюсе — это «начальник государства» Юзеф Пилсудский, установивший в Польше режим личной диктатуры, на другом — чехословацкий президент Томаш Гарриг Масарик, строивший в Чехословакии «оазис» демократии в авторитарном окружении (и тем не менее даже в демократической Чехословацкой республике процветал «культ личности» первого президента).

В крайне стеснённых обстоятельствах, на польской территории, был продолжен прерванный в октябре 1917 года тренд на формирование русского республиканского национализма, который отличался бы не только

от «черносотенного» национал-монархизма, но и от белого «непредрешенства». Успех начинаний РПК мог бы восстановить преемственность между декабризмом (первым опытом милитаристского республиканства, русской офицерской «хунты»), народничеством, февральской революцией, завершив эту цепочку появлением осознанного национал-республиканского анти-большевистского течения. Идеологические ориентиры РПК начала 1920-х годов — радикальный антибольшевизм, идеализация «крестьянской Руси», активизм, связанный с культурой Серебряного века энтузиазм творчества — влекли этот сегмент русской эмиграции к итальянскому фашизму. Явно эстетическую природу имело увлечение четы Мережковского и Гиппиус «новой Италией». Симпатии позднего Савинкова к итальянскому фашизму, «истинно крестьянский» характер которого он признавал, глубоко закономерны: Муссолини также вдохновлялся «духом Рисорджименто» и протягивал нить преемства к Мадзини и Гарибальди [Моисеев, 2019, с. 60—61], аналогом которых в русской традиции могли бы стать Н. М. Муравьев и А. И. Герцен. В конце концов, авантюризм Савинкова, его неразборчивость в средствах вкупе с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой (потерей благосклонности Польши) не позволили состояться этому революционно-республиканскому направлению. Печальный финал деятельности Савинкова поставил крест на единственной фигуре, способной сформулировать подобную идеологию и вдохнуть в неё жизнь.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов). Оп. 1. Д. 577.
2. «За Свободу!» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940 / Т. Г. Петрова. — Москва : Росспэн, 2000. — Т. 2. — С. 152—157. — ISBN 5-8243-0097-6.
3. *Свобода*. — 1920. — 29 июля ; 30 июля ; 6 августа ; 10 августа ; 13 августа ; 21 августа ; 17 сентября ; 5 октября ; 7 октября ; 14 октября ; 16 октября ; 17 октября ; 19 октября ; 26 октября ; 31 октября ; 3 ноября ; 7 ноября ; 10 ноября ; 13 ноября.
4. *Убийство Войкова и дело Коверды* // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / Под ред. С. В. Волкова. — Москва : ЗАО Центрополиграф, 2005. — С. 210—274. — ISBN 978-5-227-10138-9.
5. *Устрялов Н. В.* Старый спор / Н. В. Устрялов // В борьбе за Россию (сборник статей). — Харбин : Окно, 1920. — С. 24—29.

Литература

1. *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья / П. Н. Базанов. — Москва : Посев, 2013. — 424 с. — ISBN 978-5-9902820-8-7.

2. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 520 с. — ISBN 978-5-4448-1940-1.
3. Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Р. Козеллек // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века: сб. науч. работ. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. — С. 33—53. — ISBN 5943800611.
4. Куреньшев А. А. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920—1951 гг.) / А. А. Куреньшев. — Москва: АИРО-XXI, 2008. — 192 с. — ISBN 978-5-91022-057-1.
5. Микуленок А. А. Российская эмиграция в Польше: социально-экономическая, общественно-политическая и культурная деятельность (1917—1939 гг.): монография / А. А. Микуленок. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. — 210 с. — ISBN 978-5-907115-02-6.
6. Моисеев Д. С. Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины / Д. Моисеев. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-7584-0233-7.
7. Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии / К. Н. Морозов. — Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. — 768 с. — ISBN 978-5-4469-1964-2.
8. Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.) / А. С. Пученков. — 2-е изд. — Москва: Научно-политическая книга, 2016. — 399 с. — ISBN 978-5-906594-10-5.
9. Серапионова Е. П. Т. Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР / Е. П. Серапионова // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. — Москва: Русский путь, 2005. — С. 61—69.
10. Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские добровольческие формирования в Польше (1919—1925 гг.) / Т. М. Симонова. — Москва: Квадрига, Зебра Е, 2013. — 368 с. — ISBN 978-5-91791-10-2.
11. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / К. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. — Пер. с англ. Т. Пирусской. — 2-е изд. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — С. 53—122. — ISBN 978-5-4448-1935-7.
12. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы а 1918—1940 гг. / Ю. Суомела; Пер. с финского Л. С. Суни. — Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло», 2004. — 352 с. — ISBN 5-901841-20-4.
13. Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сборник статей / Под ред. Б. И. Колоницкого. — Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 328 с. — ISBN 978-5-94380-347-5.
14. Цихорацки П. Вопреки традиции взаимной враждебности. Из истории польско-российского сотрудничества в 1920 году / П. Цихорацки // История и историческая память. — 2014. — № 9. — С. 176—184.
15. Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku: oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919—1920 / Z. Karpus. — Toruń: Wydawn. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. — 230 p. — ISBN 83-231-1035-2.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024,
одобрена после рецензирования 08.01.2025,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- “For Freedom!”. (2000). In: *Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora. 1918—1940, 2*. Moscow: Rosspen. 152—157. ISBN 5-8243-0097-6. (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 5881 (Collection of individual documents and memoirs of emigrants). Op. 1. 577-2*. (In Russ.).
- Volkov, S. V. (ed.). (2005). The Voikov murder and the Coverda case. In: *Russian emigration in the struggle against Bolshevism*. Moscow: ZAO Centropolygraf. 210—274. ISBN 978-5-227-10138-9. (In Russ.).
- Ustryalov, N. V. (1920). Old dispute. In: *In the struggle for Russia (collection of articles)*. Harbin: Okona Publ. 24—29. (In Russ.).
- Freedom. 1920. July 29; July 30; August 6; August 10; August 13; August 21; September 17; October 5; October 7; October 14; October 16; October 17; October 19; October 26; October 31; November 3; November 7; November 10; November 13*. (In Russ.).

References

- Bazanov, P. N. (2013). *Russian Truth Brotherhood — the most mysterious organization of the Russian Diaspora*. Moscow: Posev. 424 p. ISBN 978-5-9902820-8-7. (In Russ.).
- Karpus, Z. (1999). *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku: oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919—1920*. Toruń: Wydawn. Uniwersitetu Mikołaja Kopernika. 230 p. ISBN 83-231-1035-2. (In Polish.).
- Kolonitsky, B. I. (2023). “Comrade Kerensky”: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March — June 1917). Moscow: New Literary Review. 520 p. ISBN 978-5-4448-1940-1. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (ed.). (2022). *Words and conflicts: the language of confrontation and the escalation of the civil war in Russia: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 328 p. ISBN 978-5-94380-347-5. (In Russ.).
- Kozellek, R. (2006). Social history and the history of concepts. In: *Historical concepts and political ideas in Russia of the XVI—XX century: collection of scientific papers*. Saint Petersburg: Aleteya. 33—53. ISBN 5943800611. (In Russ.).
- Kurenyshev, A. A. (2008). *Peasant organizations of the Russian Diaspora. (1920—1951)*. Moscow: AIRO-XXI. 192 p. ISBN 978-5-91022-057-1. (In Russ.).
- Mikulenok, A. A. (2018). *Russian emigration in Poland: socio-economic, socio-political and cultural activities (1917—1939): monograph*. Saint Petersburg: Alethea. 210 p. ISBN 978-5-907115-02-6. (In Russ.).
- Moiseev, D. S. (2019). *Political philosophy of Italian fascism. Formation and development of the doctrine*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 320 p. ISBN 978-5-7584-0233-7. (In Russ.).
- Morozov, K. N. (2022). *Boris Savinkov: the experience of scientific biography*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 768 p. ISBN 978-5-4469-1964-2. (In Russ.).
- Puchenkov, A. S. (2016). *National policy of General Denikin (spring 1918 — spring 1920)*. Moscow: Scientific and Political Book. 399 p. ISBN 978-5-906594-10-5. (In Russ.).
- Serapionova, E. P. (2005). T. G. Masaryk and Russian emigrants to the Czechoslovak Republic. In: *T. G. Masaryk and the “Russian Action” of the Czechoslovak government: on*

- the 150th anniversary of the birth of T. G. Masaryk. Based on the materials of the international scientific conference.* Moscow: Russian Way. 61—69. (In Russ.).
- Simonova, T. M. (2013). *Soviet Russia (USSR) and Poland: Russian anti-Soviet volunteer formations in Poland (1919—1925).* Moscow: Quadriga, Zebra E. 368 p. ISBN 978-5-91791-10-2. (In Russ.).
- Skinner, K. (2023). Meaning and understanding in the history of ideas. In: *Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History.* Moscow: New Literary Review. 53—122. ISBN 978-5-4448-1935-7. (In Russ.).
- Suomela, Yu. (2004). *Foreign Russia. Russian emigration's ideological and political views on the pages of the Russian European press in 1918—1940.* Saint Petersburg: Kolo Publishing House. 352 p. ISBN 5-901841-20-4. (In Russ.).
- Tsikhoratsky, P. (2014). Contrary to the tradition of mutual hostility. From the history of Polish-Russian cooperation in 1920. *History and historical memory*, 9: 176—184. (In Russ.).

*The article was submitted 06.10.2024;
approved after reviewing 08.01.2025;
accepted for publication 29.01.2025.*